

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
ОБЫКНОВЕННАЯ СУББОТА	11
САША ИЗ ОСКОЛА	37
АНДРЕЙ И ВОЛОДЯ.....	50
ЛЁША-МУМИЯ, ОЛЕГ-БУРЯТ И ДРУГИЕ	66
АЛЕКСАНДР ИЗ НОВОСИБИРСКА	94
ЕГОР	123
САША И РАДИО-ПАША	145
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	164
ВОЛОДЯ.....	179
ВЯЧЕСЛАВ.....	200
ДМИТРИЙ.....	218
ВИКТОР.....	240
КАТЯ, КЛУБНИКА, АНДРЕЙ	253
РУБИК.....	264
СУБУДАЙ, СЕРГЕЙ, ВАСИЛИЙ-НАРТАЙ	288
ГОД СПУСТЯ	298
ВМЕСТО P.S. 820-Й ДЕНЬ ВОЙНЫ. ИГОРЬ.....	341

Я посвящаю эту книгу всем вам, мужики.

Тем, кто защищает нашу великую Россию.

Я посвящаю эту книгу всем, кто вернулся.

*Я посвящаю эту книгу тем, кто не вернулся
и в белых одеждах воина вознёсся ко Господу.*

Упокой, Господи, Игоря Кушнера.

*Упокой, Господи, Игоря и всех воинов,
павших за други своя.*

*Я посвящаю эту книгу Елене Арбузовой.
Леночке, которая была рядом со мной
в пятнадцатой палате. Обезболивала
бойцов своими руками, словами и улыбкой.
А потом погибла в автокатастрофе.*

*Я посвящаю эту книгу девушкам
и женщинам, что были рядом. Да что там!
Я посвящаю эту книгу всем волонтерам
в госпиталях России.*

*Я посвящаю эту книгу всем, кто стоит
плечом к плечу. Кто молится. Кто помогает
словом и делом. Кто плетёт сети.
Переводит деньги. И верит. Верит в то,
что мы вместе.*

Я благодарю свою семью.

*Благодарю дедушек, что отстояли страну
тогда. И бабушек, что ждали их в тылу.*

*Благодарю родителей, что воспитали во
мне любовь к Родине. И детей, что со мной
в одной команде. И в госпитале, и дома.*

*Благодарю Александра — за плечо рядом
и суп на плите, когда я в госпитале.*

Вместе победим.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я помню каждого героя этой книги. Даже больше — я помню их рентгеновские снимки. Помню, где стоит спица, где осколок кости. Помню ампутацию — куда выходит нерв, где образовалась мозоль.

Лица порой смутно помню, а ранения — ранения помню.

Я не знаю, сколько парней прошло под моими руками за эти два года. Я не считала.

Я каждый день беру телефон в руки и получаю весточки.

Оттуда, с фронта:

«Ирин, мы воюем за вас всех. Ирин, идём в бой. С Богом!»

Из госпиталей — по всей России. Где долеживаются мужики.

«Ир, устал лежать. Скорей бы туда. К парням. Сил нет. Нужно побеждать».

Из разных городов и сёл. От вернувшихся в семьи, где жёны распахнули объятия, как в песне: «Мы вас встретим и пеших, и конных, утомлённых, нецелых — любимых!»

Мне пишут те, с кем виделись всего лишь раз.

...Мы виделись лишь раз.

Я помню широкие плечи. Ногу в аппарате. И слёзы по щекам: «За это я воевал, Ир. Оказывается, за это. Чтоб ощутить, что вся Россия с нами. Чтоб проснуться сегодня и знать, что кто-то собирается ко мне в свой выходной. Чтоб было не так больно и не так грустно». Я помню, как расслабляла плечи, спазмированные костылями, и говорила: «Так и победим. Так и победим. Иначе никак, Дим».

Больше не помню ничего. А Дмитрий пишет мне вдруг: «Спасибо, Ира, спасибо. С таким теплом вспоминаю. Поставили эндопротез. Встал на ноги. Потихоньку хожу. Так и победим, помнишь? Так и победим! Только без вас тут скучно».

«Без нас» — это без девчонок, без волонтеров.

«В госпитале в Новосибирске нет волонтеров. Лежишь, скучаешь. Вспоминаешь Питер — было больно, но вокруг живые люди. Те, кто протягивал руку, запевал песню, гладил по щеке, обещал, что всё пройдёт. Всё пройдёт. И боль пройдёт, и война. Победим».

А по ту сторону страниц моей книги — мужики, о которых знаю только я. И те, кто был со мной рядом.

По ту сторону страниц моей книги — молчаливые мужики, кто не вошёл ни фразой, ни словом в книгу.

Но они там есть, эти мужики.

Те, что лежали, стиснув зубы.

Те, что кивали: «Массаж? Можно. Если у вас силы есть. Остались силы ещё?»

Те, что не успели обзавестись семьёй до СВО. Не сложилось.

Те, которых ждут только матери.

Те, у которых нет родственников в Питере, и к кому никто кроме нас сегодня не придёт.

Те, кто выписывается завтра. Летит куда-то во Владивосток. Потом в Читу. Потом в Мурманск. А изучив всю географию России по госпиталям, пишет тебе — как самой близкой. Как той, что ждёт.

Пишет, что не заживает рука.

Пишет, что в станице, где живёт мать, не понимают, за что воюем.

Пишет, что болит голова после контузии.

Пишет, что уже весна. Даже лето.

Пишет, что рука ещё не восстановилась окончательно.

...Пишет, что он на фронте.

Идёт в наступление.

Они есть, эти мужики.

И теперь вы об этом тоже знаете.

Помолимся.

Обо всех мужиках, которых ждём мы. Женщины России.

Ждём домой.

Они, эти мужики, стоят за страницами этой книги. Не названные по именам. И им очень важно, чтобы их ждали.

И мы ждём.

Ждём, что было сил.

Возвращайтесь, мужики.
Возвращайтесь с Победой.
Вы здесь есть.
Я пишу о вас, не называя вас по именам.
А остальных я называю по именам.

ОБЫКНОВЕННАЯ СУББОТА

... Фамилия у Сани была Морев. Но служил он не на море. В разведке. Саня, конечно, об этом не говорил. Он вообще в основном молчал. Смотрел исподлобья, оценивая. Бросал рубленные фразы. Тут же замолкал: вдруг сказал лишнего? Отворачивался к стене, когда было больно. В госпитале он лежал уже месяцев девять. И конца-края его госпитальным будням не было видно.

— Воюю, — говорил про госпиталь Саня. — Служу России, как могу.

На стене висела открытка с детским рисунком: «Александр Мореву. Выздоровления!» Наверняка рисовали дети школы, где он учился.

На тумбочке небрежно лежала газета. В газете был опубликован рассказ о его подвиге. Саня помахал газетой у меня перед глазами — я выхватила только несколько слов: «Долг», «герой», «жена и ребёнок», «тяжело ранен», «орден Мужества».

Если честно, я его ни разу Саней не назвала. Про себя только. Вслух — Александр. Хоть и молодой Саня, лет двадцати шести. Но никакого

Четырнадцатая крошечная. На четыре койки. Зайдёшь в неё, когда в пятнадцатой закончены дела. Или — если в пятнадцатой уборка и капельницы. И тогда перебросишься с бойцами парой слов. Парой улыбок. Парой шуток. Поработаешь — если есть с кем. И можно обратно в пятнадцатую. Или домой.

Впрочем, домой пока рано. Даже думать — рано.

Сегодня много работы.

...На войне Саня оказался в первые же дни. В феврале. Жена была беременна. В июне родилась дочка. Двадцать третьего. Семнадцатого июля Саню ранило (внутри ёкнуло: день памяти царственных страсотерпцев).

Жена, узнав о ранении, покрепче прижала к себе дочь и продолжила её кормить. Молоко не пропало.

Жена с дочкой были где-то за Уралом. До сих пор пообщаться с ними Саня мог только по видеосвязи.

— Сейчас надо побеждать, — говорил он. — Впереди вся жизнь. Увидимся ещё!

Саня не мог расслабиться.

— Здесь можете по сильнее. Здесь послабее. Что вы здесь гладите? Знаете, я женат! Так погладить меня и жена может. А вы можете достать глубоко, до спазма? Не можете? Ну

понятно! Я учился на массажиста, знаю, что говорю. Вас всему учить надо! Вот что вы сейчас делаете? Мы на войне, понимаете? Тут не надо гладить и расслаблять. Тут надо, чтоб всё зажило, и снова в бой!

Я слушала его. И шла вперёд сантиметр за сантиметром. Обманывая его ощущения. Он не мог видеть, к счастью, что я делаю с его спиной. Думал, глажу. Злился. Я бережно прожимала триггеры. Он из-за спазмов этого не чувствовал. Встав с кровати, шевелил плечами. Удивлялся:

— Надо же. Зашевелилось что-то в спине.

Пытал меня вопросами:

— Ну вот я служу. Со мной всё понятно. Поэтому я сейчас в госпитале. А вы-то что здесь делаете. Зачем вы сюда пришли?

Я улыбалась. Терпеливо, как ребёнку, объясняла:

— Александр. Вы нас защищали там. Мы здесь. Я делаю, что могу. Бог дал мне руки. Восстанавливаю вас.

Саня хмурился. Качал головой: непонятно. Минут через пять спрашивал:

— Ну вот вы работаете в госпитале. Зачем? У вас работы нет другой?

Я качала головой:

— Есть работа. Пациенты. Запись. Субботу, свой выходной, специально освобождаю. Прихожу сюда. Потому что вы воюете за нас. Я хочу быть нужной своей стране. Хочу быть причастной к Победе.